

ЯПОНИЯ

ПУТЬ СЕРДЦА



Т. П. Григорьева

Татьяна Петровна Григорьева
Япония: путь сердца
Серия «Сокровенная
история цивилизаций»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4603572

Япония: путь сердца: Культурный центр «Новый Акрополь»; Москва;

2008

ISBN 978-5-901650-15-8

Аннотация

Удивительная и без сомнения знаковая книга, названная «Япония: путь сердца», окажется важной не только для тех, кто интересуется культурой, традициями, историей Японии. Ибо она, наверное, не столько о Японии, сколько о Пути. Вопрос о Пути связывает воедино размышления автора об удивительных параллелях между мировоззрением Японии и России, о судьбах мира, запертого сейчас в узких рамках рационализма. Тем актуальнее и значимее звучат слова автора: «Несвобода претит Пути богов, – вне свободы ничто не станет самим собой... Лишь следуя своему Пути, достигаешь Единого». Сердце, человек и вселенная, мир, в котором живут не только люди, но и боги... Прикоснувшись к этому, хочется остановиться и осмыслить

собственный путь. Читая о неуловимой душе Японии, понимаешь душу свою – что большего может найти читатель?

Содержание

Пролог	7
Глава 1	19
Судьба Культуры	19
Кризис западной цивилизации	44
Японцы и русские	86
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Татьяна Петровна Григорьева

Япония: путь сердца

Татьяна Петровна Григорьева родилась в Ленинграде. Окончила Московский институт востоковедения. Сейчас является заслуженным деятелем науки РФ, профессором, доктором филологических наук, главным научным сотрудником Института Востоковедения АН России, членом Союза писателей России, членом редколлегии журнала «Иностранная литература», главным редактором «Восточного альманаха». Основная сфера деятельности – сравнительное литературоведение, японская литература. Татьяна Петровна автор множества книг, посвященных загадочной и неуловимой душе Востока: «Одинокий странник», «Японская художественная традиция», «Дао и логос (встреча культуры)», «Движение красоты. Размышление о японской культуре», «Красотой Японии рожденный», «Японская литература XX века» и других.



Пролог

Все боги живут в человеческой груди.
У. Блейк

Почему вопрос о сущностных признаках культуры считают очень важным в наше время? Потому что вне культурного поля ничто состояться не может, кроме нескончаемых распрей, войны всех против всех. Какова культура – таков и человек, каков человек – такова и культура. Ныне культура оказалась под угрозой. Значит, что-то не в порядке с человеком. Если культура не отвечает своему назначению – одухотворять человека и тем вести мир к спасению, то это – псевдокультура.

Во всем есть подлинное и мнимое, созидательное и разрушительное. Важно, чтобы второе не взяло верх над первым, чтобы люди не привыкли к перевернутому состоянию мира, принимая ложь за Истину. Тогда всему конец, возобладает контркультура. Евгений Трубецкой еще в начале XX века назвал причину надвигающейся катастрофы: «Вопрос о смысле жизни, быть может, никогда не ставился более резко, чем в настоящие дни обнажения мирового зла и бессмыслицы... Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя. В настоящий исторический момент че-

ловечество стоит на перепутье. Оно должно определиться в ту или другую сторону. Что же победит в нем – культурный зоологизм или то „сердце милующее“, которое горит любовью ко всей твари? Чем надлежит быть вселенной – зверинцем или храмом?»¹



Илл. 1. Вид на гору Фудзи

Подниматься ввысь труднее, чем спускаться или опускаться. Но страшно опуститься до той грани, когда человек перестает быть человеком. Тогда он теряет поддержку Пресвятой Троицы, и все в нем, его личность начинает распадаться. Но так не бывает, чтобы что-нибудь одно пребывало в мире «как бы двойного бытия». Поэтому и возникло движение против техногенной цивилизации, создавшей пустыню

¹ Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках // Избранное. – М., 1997. – С. 351.

вокруг и внутри нас, против той культуры, которая отпала от чистых истоков и стала питаться из сточных канав вульгарности. Потребительская цивилизация вывернула наизнанку человеческие ценности, и если так будет продолжаться, уже ничто не спасет мир от катастрофы. Человек станет жертвой собственного недоумия, душевной беспечности, разнузданности. И не будет ему оправдания, сколько бы ни уповал он на происки нечистой силы, которую сам и выпестовал.

Этими проблемами озабочены теоретики и вдохновители движения контркультуры: «Судьба духа – это судьба социального порядка. Если в нас гибнет дух, то значит, то же самое произойдет и с тем миром, который мы выстроили вокруг нас», – уверяет Теодор Роззак². Действительно, все созданное вне духа, будь то дома или книги, разрушается. Т. Роззак задается вопросом: «Почему в наше время, чем более развито общество, тем глубже в нем гнет тоталитарного насилия, который становится ярмом хуже, чем у варваров? Отчего нравственный упадок и жажда тотальной войны продолжают преследовать потомков Возрождения в большей степени, чем во времена Вольтера? Отчего нигилизм и неврозы парализовали общество, которое мы называем развитым?»³

Тоталитарное общество, отпавшее от Духа или от Пути, не могло не рухнуть, а привыкший к несвободе человек отвык от свободы, боится остаться наедине с собой, без «до-

² Rossak Th. Where the Wasteland Ends. – N.-Y., 1972. – P. XVII.

³ Ibid. – P. 106.

рожных указателей», хотя и делает вид, что ничего не боится. Но свобода не явится, пока человек не вернется к себе, неповторимому, не пройдет обратный путь до истока своего порабощения, не обратится к тому, что сохранила для него исконная Культура. Отпав от Бога, от Духа Святого, человек отпал и от себя: принес изначальное Чувство, «сердце милующее», в жертву рассудку, но при этом не стал умнее. Оттого и называют такое сознание «усеченное», «одномерно плоскостное», в общем – «несчастное». Оторвавшись от Основы, утратив связь с миром, человек стал частью, функцией. Чтобы преодолеть тотальный распад, полагает Т. Роззак, нужно разрушить барьеры, отгородившие разум от чувства, вернуть человеку ощущение своей целостности, причастности Единому. Человечество стоит «между смертью и трудными родами» (Т. Роззак).

И все же было бы странно, если бы человек не воспользовался возможностью родиться заново, какими бы трудными ни оказались роды. В нем оживает память, а вместе с ней – тяга к культурам, особенно к тем, которые избежали недуга отчуждения, опираясь на традиционную Основу. К ним обращаются современники в надежде вернуть утраченное равновесие. И, может быть, более всего это относится к японской культуре, особенно к дзэнским искусствам (садам, хайку, икэбана).

От того, как понимает человек роль культуры и цивилизации, от осознания их правильного отношения зависят

качество жизни, самоощущение человека. Его одухотворение, возвышение или, наоборот, уплотнение и нисхождение – под собственной тяжестью – до неразличимости в массе предметов. Вещный мир грозит оттеснить человека, по праву сильного, и тогда сбудутся мрачные предсказания фантастов. Утратив волю к жизни, не выполнив своего назначения – одухотворять сущее, – человек выпадет из Бытия за ненадобностью.

Кто только сейчас ни озабочен кризисом техногенной цивилизации! Так, Карл Ясперс заявляет о превращении общества в одну большую машину с человеком в роли сырья. Вернер Гейзенберг не теряет надежды: человек, действительно, изменил мир не в лучшую сторону, приноротив его к себе. Но, значит, он несет ответственность за свое детище: «Впервые в истории человек на нашей планете противостоит лишь себе»⁴. А на Востоке об этом знали давно: «В Индии интерес философии сосредоточен на „я“ человека. „Атманам виддхи“ – познай самого себя – так резюмируют там законы и учения пророков Индии. В человеке есть дух, являющийся средоточием всего сущего»⁵. И цель буддизма – найти в себе свое истинное Я – преображая себя, человек преображает весь мир. Более того, буддизм позволяет понять, почему западная мысль не привела человека к самопознанию. Причина – в антропоцентризме, обернувшимся эгоцентризмом,

⁴ Новая технократическая волна на Западе. – М., 1982. – С. 435.

⁵ Радхакришнан С. Индийская философия: В 2 т. – Т. 1. – М., 1956. – С. 17.

на чем акцентирует внимание Карл Густав Юнг: «Для нас сознание невообразимо без эго. Если нет эго, тогда просто некому что-либо сознавать. Поэтому эго совершенно необходимо для сознательного процесса. Однако восточный ум не испытывает затруднения в понимании сознания без эго»⁶.



Илл. 2. Колокол в буддийском монастыре

Но как нам познать себя, свое назначение? Наверное, для начала нужно найти свое место в истории своего народа. А историю одного народа невозможно понять, не сопоставив ее с историей других народов, – вне действия законов мирово-

⁶ Юнг К. Г. О различии между восточным и западным мышлением // Сознание и бессознательное. – М., 1997. – С. 511.

го притяжения. У каждого народа есть свое предназначение, но оно обусловлено общемировой задачей, и никакую из мелодий нельзя выкинуть, не нарушив строй звучания. Целое морально само по себе.

Все пути ведут к Одному, не повторяя друг друга, – сказано в древнекитайской «Книге Перемен» («Ицзин»). Одни народы вынашивали одну идею, другие – другую, чтобы сообща прийти к Истине. И отношение их к культуре и цивилизации не могло совпадать, хотя на Западе долгое время думали иначе, считая свою цивилизацию единственно возможной, эталоном на все времена. Теперь, правда, так уже не думают. Столкнувшись с кризисом техногенной цивилизации, обратились к опыту Востока (Китая, Индии, Японии). К опыту тех стран, где доминируют не столько техника или философия, сколько Культура, исходящая от Неба или Небесных богов. Культура – это Основа, а цивилизация – средство, подспорье для ее претворения.

На Востоке верят в изначальность нравственного Закона, морального Пути, который называют Срединным, то есть избегающим крайностей, односторонности во имя вселенской Гармонии. Воплощена изначальная Мораль, исходящая не от людей, а от великого Дао, в образе Культуры небесного происхождения. Поэтому считали, что нарушивший моральный Закон перестает быть человеком. Конфуций говорит: «Истинный человек жертвует жизнью, но не человечностью» (Луньей, 15, 9). Лишенный чувства Справедливости

– человек лишь с виду, по сути не отличается от животного. А Мэн-цзы скажет: «Я люблю жизнь, но еще больше люблю Справедливость. Если не могу иметь то и другое, предпочту Справедливость»⁷. О вере в изначальность Справедливости, ее имманентности Бытию свидетельствует и древний комментарий к «Ицзину» (его называют «Десять крыльев»): «Совершенномудрые проникли в Путь Неба и назвали его *Инь-Ян*. Проникли в Путь человека и назвали его Человечность (*Жэнь*) и Справедливость (*И*)» (Шогуа-чжуань, 1, 24). В другом комментарии сказано: «Справедливость, проникая в тонкую энергию (*Цзин*), приобщает к Духу. Тогда достигашь наивысшего» (Сицы-чжуань, 2, 29). И там же: «Назначение человека, обретая духовность, просветлять сущее» (Сицы-чжуань, 1, 12).

Почему это возможно? Потому что Справедливость, духовный Свет присущи изначальной природе (Сим). Человеку же назначено достичь той степени совершенства, когда он станет Триединым, вровень с Небом и Землей. «Великий человек соединяет свое Дэ (дарование) с Небом и Землей; свой Свет – с Солнцем и Луной; живет в ритме четырех времен года» (Вэньянь-чжуань). Такого человека называют «Человеком Истины» (кит. – *Чжэнь жэнь*). Истинный человек наделен Искренностью, присущей Небесному Дао, через Искренность соединяется с Небом, узнает его волю. Оттого он видит все, как есть, не знает заблуждений, становится бес-

⁷ Конфуцианское «Четверокнижие» / Пер. П. С. Попова. – М., 2004. – С. 358.

смертным.

Что уж говорить о даосах! В Дао все уже есть: «В тончайшей энергии (*Цзин*) заключается Истина, Искренность» (Лао-цзы. Даодэцзин, 21). «Знание Уравновешенности (*Хэ*) назову Постоянством (*Чан*). Знание Постоянства – Просветленностью (*Мин*)» (Даодэцзин, 55). И не было ученых мужей в Китае или Японии, которые не верили бы в изначальный Свет, к которому устремляется человек, следующий Пути. «Тот, кто вне целостности и чистоты, тот вне Духа. Кто вне Духа, тот вне Пути» (Чжуан-цзы, 12). А кто вне Пути, тот обречен на исчезновение.



Илл. 3. Императрица Дзингу. Древнейший храм Якусидзи

Вера в изначальный Свет настолько укоренилась в восточ-

ном сознании, что в ней не сомневается Нитобэ Инадзо – автор книги «Бусидо. Душа Японии», вышедшей в начале XX века: «Треножник, на котором держится Бусидо (Путь самурая), – это Мудрость, Человечность и Мужество»; «Если бы Бусидо полагался только на физическую силу, то не смог бы просуществовать семь столетий»⁸. Христианин по вере, он не находит противоречий между конфуцианством, повлиявшим на психологию самураев, и заповедями Христа: «Зачем человеку весь мир, если он душе своей повредит»; «Царствие Божие внутри вас есть».

Дао ведет к совершенству, не уподобляя и не отделяя одно от другого. Это Знание известно не только древнему Востоку, оно доступно и нашему времени. Американский ученый Алан Уотс уверяет: «Согласно китайской философии, будь то даосизм или конфуцианство, если вы не доверяете Природе и людям, значит, вы не доверяете себе. Если вы не доверяете себе, значит, вы выпадаете из всей природной системы. Вы и Природа – один и тот же процесс. Это и есть Дао»⁹. Немногие пока смогли проникнуть в тайну восточной мудрости – недостающую половину вселенского Знания, – но их соединение, неслиянное и нераздельное, уже неизбежно – по закону вселенского Пути: «Одно Инь, одно Ян и есть Дао».

Читателя могут смутить стиль изложения, необычность

⁸ Inazo Nitobe. Bushido. The Soul of Japan / 6th edition. – Tokyo, 1973. – P. 94, 170.

⁹ Watts A. Tao: Watercours Way. – N.-Y., 1975. – P. 32.

формы – как бы моноцентрическими кругами, волнообразно, «туда-сюда». Но от Дао нельзя отступить ни на шаг, иначе это не Дао. В этом проявилось воздействие древнего Востока. Что касается повторов, то в восточной системе мышления повтор невозможен в принципе, ибо все – в Пути, в следующий момент то же самое выглядит иначе. Это традиционный прием: повторяя, возвращаешься к Основе. По крайней мере, согласно Конфуцию: «Тот, кто повторяет старое, узнает новое» (Луньюй, 2, 11).

А изобилие ссылок объясняется тем, что хотелось не описывать своими словами то, что уже давно сказано, – в духе Конфуция: «Не сочиняю, а передаю. Верю в древность и люблю ее» (Луньюй, 7, 1). Главное – не исказить. Пересказывая своими словами мысли мудрецов, не передашь обаяние языка древних, чары музыки «изгибающихся звуков» (*кеку*). Как будто у человека без прошлого может быть будущее.

Глава 1

КУЛЬТУРА –

ЦИВИЛИЗАЦИЯ – ИСТОРИЯ

Идея нации не то, что она думает о себе во времени, а то, что Бог думает о ней в вечности.
Вл. Соловьев

Судьба Культуры

В наше время слово «культура» почти утратило свой первоначальный смысл, от частого употребления превратилось в своего рода заклинание, не обладающее магической силой. Такой процесс – в духе нашего времени: происходит размывание, подмена понятий, в результате чего слово из символа становится пустым звуком. Когда Цзы-лу спросил Конфуция, с чего он начнет наводить порядок в государстве, Учитель ответил: «С исправления имен». – Ученик удивился: «Вы говорите неясно. Зачем исправлять?» – Конфуций ответил: «Как ты необразован, Ю! Истинный человек не судит опрометчиво о том, чего не знает. Если названия неправильны, то и слова неверны. Если слова неверны, то и дела не де-

лаются» (Луньюй, 13, 3)¹⁰.

Так произошло и с понятием культуры: от неправильного употребления слов культура перестала отвечать своему истинному назначению. К культуре люди нередко относят все, что произвел человек. Но *все* значит *ничего*: на уровне множества, отпавшего от Единого, все теряет себя. «Душе, ушедшей от себя, нанесет удары некая огромность, и душу мучит подлинная нищета, ибо по природе своей вынуждена она искать всюду единое, а множественность этого не позволяет» (Бл. Августин. О порядке, 1, 2).

Аналогично и понятие «цивилизация» в значительной степени утратило свой первоначальный смысл. Французские просветители видели в цивилизации гарант разума и справедливости (от лат. *civilis* – «гражданский»), отождествляли ее с культурой. Но век спустя «союз» распался. Сознание, со времен древних греков настроенное на противоборство, развело в разные стороны все пары, в том числе культуру и цивилизацию, и они оказались в оппозиции. В XIX веке под цивилизацией понимали главным образом материальную культуру, технологию. Дистанция между культурой, если иметь в виду духовную культуру, и цивилизацией все более увеличивалась. Это и побудило Освальда Шпенглера в начале XX века назвать цивилизацию выродившейся культурой, когда

¹⁰ Китайские мудрецы цит. по: Сочинения китайской классики: В 20 т. – Т. 1: Ицзин и комментарий к нему – «Десять крыльев». – Токио, 1966; Т. 6: «Даодэцзин» Лао-цзы. – Токио, 1968; Т. 4: Чжун-юн. – Токио, 1967; Т. 12: Чжуан-цзы. – Токио, 1987.

главенствуют техника, индустрия – то, что дает прибыль, но низводит человека до уровня живой машины.

Из трех компонентов: культура – цивилизация – история лишь культура обладает абсолютной ценностью, хотя бы потому, что без культуры не было бы ни цивилизации, ни истории, не было бы самого человека. Не потому ли в наше время человечество, движимое инстинктом самосохранения, задумалось о смысле этих понятий? Опасно принимать за Культуру то, что к ней не только не относится, но даже ей враждебно, – псевдокультуру, вульгарность, цинизм, вседозволенность.



Илл. 4. Блаженный Августин

Древние провидцы Востока и Запада напоминали: во всем, что существует в мире, есть две природы – небесная, извечная, которая в конечном счете все определяет, и земная, преходящая, зависящая от уровня сознания человека. Это относится и к культуре. Есть культура, не подверженная воздействию времени, и есть культура, зависящая от времени как функция, форма существования людей. То, что происходит на низшем плане, может приближаться или отдаляться от того, что вечно пребывает на высшем. Но если теряется связь между высшим и низшим, земное отпадает от небесного, часть от Целого, обрекая себя на гибель. Утратив опору в Едином, часть саморазрушается: Целое отторгает непричастное ему.

Для России падение культуры равносильно утрате Пути. Вот и бредет она по бездорожью, теряя силы. Это уже не то двуединство русской культуры, о котором писал Евгений Трубецкой: многообразна и сложна гамма душевных переживаний, «где солнечная лирика светлой радости совершенно необходимо переплетается с мотивом величайшей в мире скорби – с драмой встречи двух миров»¹¹. Философ предвидел вырождение культуры, которое для России может быть смертельным. «Опасность для России и для всего мира – тем больше, что современный хаос осложнен и даже как бы осве-

¹¹ Трубецкой Е. Н. Избранное. – М., 1997. – С. 369.

щен культурой... Здесь биологизм сознательно возводится в принцип, утверждается как то, что должно господствовать в мире. Это неслыханное от начала мира порабощение духа – озверение, возведенное в принцип и в систему, отречение от всего того человеческого, что доселе было и есть в человеческой культуре. Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя»¹². Не прислушались – и теперь имеем то, что имеем. Надолго ли?

¹² Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. – М., 1916. – С. 52–53.

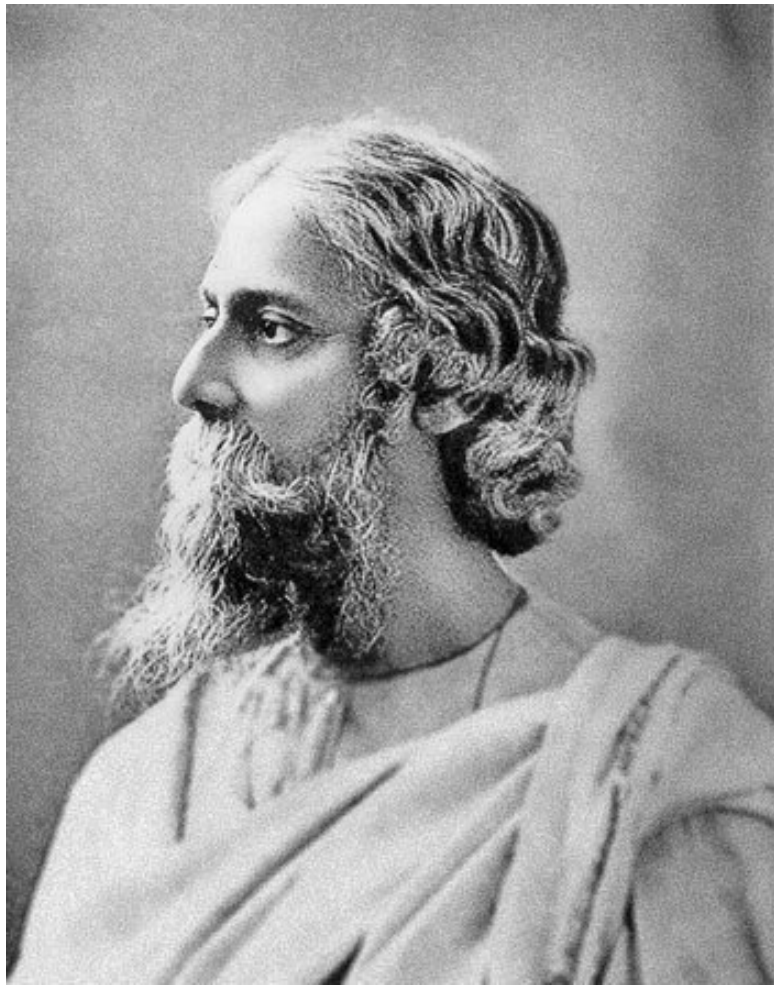


Илл. 5. Евгений Трубецкой

Измена Культуре равнозначна измене национальному Пути, нарушению вселенского порядка. Рабиндранат Тагор, посетив Японию в 1916 году, когда вышла упомянутая книга Трубецкого, тоже испытывал чувство тревоги: «Долг каждой нации – проявить перед миром свою национальную сущность. Если же нация ничего не дала миру, это следует считать национальным преступлением. Это хуже смерти и не прощается человеческой историей. Нация обязана поделиться лучшим, что есть у нее. Благородная душа и есть сокровище нации. Ее долг, одолевая предрассудки, отправить всему миру приглашение принять участие в празднике ее духовной культуры»¹³.

Культура общечеловечна, потому что национальна. Национальная культура являет себя в неповторимой форме, будучи хранительницей духа своего народа. Но если оскудевает ее источник, страдают все народы. Невидимыми нитями соединяется один народ с другим, и важно, чтобы не оборвались эти нити под тяжестью невежества и тупости. Умирает культура, умирает язык – ее животворящая сила: душа покидает тело нации. Это – всемирный грех, ибо национальные культуры кровно связаны между собой, и если какая-то теряет себя, то страдают все.

¹³ Эти слова Тагора произнес Кавабата Ясунари в Гавайском университете, читая лекции «Существование и открытие Красоты». Кавабата Ясунари. Существование и открытие Красоты. – Токио, 1969. – С. 34.

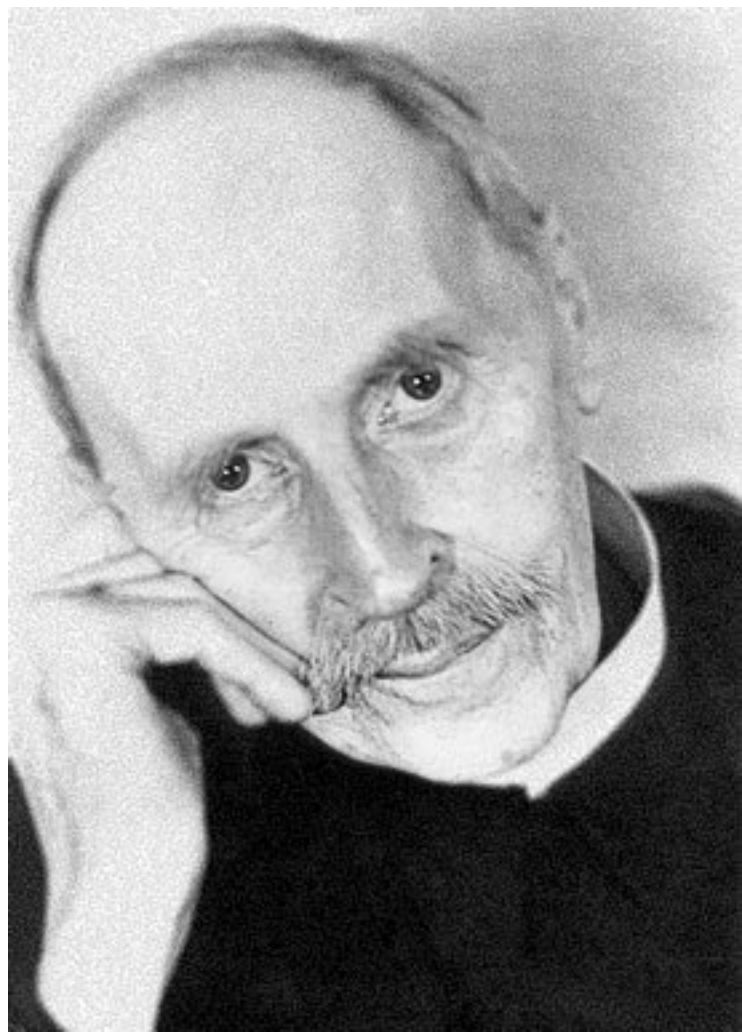


Илл. 6. Рабиндранат Тагор

Идея Всеединства в предгрозовые времена начала XX века возвысила наряду с русской и индийскую мысль. «То, чего сегодня ждет весь мир, – это грандиозная идея духовного Единства Вселенной, – возвещал Вивекананда. – Единственная и бесконечная сущность в вас, во мне, во всех. идея, что вы и я не только братья, но вы и я – одно»¹⁴. Француз Ромен Роллан, брат индийских мистиков по духу, писал: «У всякой нации, как и у каждого отдельного человека, есть в ее жизни одна-единственная тема, которая служит центром ее существования, основная нота, вокруг которой группируются все остальные ноты гармонии. Если она ее отбросит, если она отбросит принцип своей собственной жизненности, направление, переданное ей веками, – она, эта нация, умирает»¹⁵. Инстинкт самосохранения заставляет Россию искать национальную идею, вот только найти ее она все никак не может. Не потому ли, что не там ищет?

¹⁴ Цит. по: Ромен Роллан. Опыт исследования мистики и духовной жизни современной Индии. Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды // Собр. соч. – Т. 19. – Л., 1936. – С. 279.

¹⁵ Там же. – С. 278.



Тревожились те, кто надеялся спасти людей от мирового кошмара. Тогда и появилась книга Освальда Шпенглера «Закат Европы» – сигнал бедствия, потрясший умы. Прежде всего, это несогласие автора с одномерной логикой, линейным, плоскостным мышлением. Отгородив человека от мира, такое мышление опутало людей иллюзиями. Одной из иллюзий была идея «прогресса», подгонявшая историю двигаться вперед, что есть сил, пока она, история, не лишилась чувств.

Вместо монотонной картины мировой истории Шпенглер увидел многообразие культур, каждая из которых следовала своей идее. «Наконец стало совершенно ясно, что ни один фрагмент истории не может быть полностью освещен ранее уяснения тайны всемирной истории вообще, вернее говоря, истории более развитого человечества как органического единства, имеющего правильную структуру»¹⁶. Значит, опрометчив европоцентризм: западноевропейская культура исключение, а не правило.

В науке господствовало представление о последовательной смене эпох, формаций – следствие все той же одномерной логики. «*Древность – Средневековье – Новое время*: такова та невероятно скудная и бессмысленная схема, абсолютное господство которой над нашим историческим сознанием

¹⁶ Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1993. – С. 63.

всегда мешало нам правильно оценить... территории Западной Европы, понять ее действительное место в системе всемирной истории, уразуметь ее смысл, ее облик и особенно продолжительность ее жизни» (с. 20). С тех пор мало что изменилось. Видимо, труднее всего меняется сознание – легче всего просто признать его «несчастливым».

Тип мышления, унаследованный от греков и египтян, предполагает господство «прямой линии» и «прямого угла». Логика мысли обусловила логику истории: каков человек, таков и мир. Вместо монотонного образа растянутой в линию всемирной истории «я вижу множество могучих культур, с первоначальной силой расцветающих на лоне родной местности. Каждая из них дает *собственную* форму своему материалу – человечеству; каждая из них имеет *собственную* идею, *собственные* жизнь, волю, чувство и *собственную* смерть», – писал Шпенглер (с. 27).



Илл. 8. Дорога в храм Дзякко-ин, Охара



Илл. 9. Храм Бёдо-ин, Удзи

Но как уловить историю, если сама она – бесконечное становление? Становление, считает Шпенглер, может быть только пережито. Отвергая прямолинейность, созерцая историю с высоты полета, он признает три эпохи: Отца, Сына и Святого Духа, но они остались для него как бы в тумане. История есть образ души, душа же смертна. Сама Фаустовская душа, по его мнению, предвещает конец мира. *«Все возникшее преходяще... Все преходящее есть только символ»* (с. 213–214). Но что стоит за этим символом?

Освальд Шпенглер готов признать, что в основе каждой великой культуры лежит Перводуша, обусловившая ее судь-

бу, но не видит высшего смысла. Отсюда, считает он, – одиночество Фаустовской души, ее неприкаянность. Жизнь идет по нисходящей – превращается в механизм, а идея благодати – в половое влечение. Верховным становится культ полезного. Цивилизация, поглощая культуру, обрекает ее на смерть: культура переходит из органического состояния в неорганическое. Шпенглер уверяет, и не без оснований, что чем ниже опускается культура, тем выше поднимается спорт, и все уподобляется игре, в том числе искусство. Игра не требует работы ума. Не оттого ли ныне она вошла в моду?

Если культура как любой биологический организм проходит одни и те же биологические стадии: рождения, взросления, увядания и смерти, – значит, ее гибель неизбежна. Признавая, что логика уподобилась механике, Шпенглер не остается свободным от рокового дуализма, когда одно противостоит другому: цивилизация – культуре, мертвое пространство – живому времени, человек – цивилизации, человеку культуры. И это противостояние неизбежно. Так, страх греков перед бесконечностью сменился противоположной ему фаустовской страстью к бесконечному. Отсюда и чувство неукорененности, утраты опоры в вечности¹⁷. Называя культуру «высоко развитой душой», О. Шпенглер не верит в бес-

¹⁷ Все есть везде – дело в расстановке акцентов, в господствующем типе мышления. Согласно Плотину, беспредельности свойственны движение и покой, и потому она не может мыслиться сама по себе, но лишь в связи с эйдосом, который только и может одновременно двигаться и покоиться, – записал он в трактате «О числах».

смертие самой души. Но к духу неприложимы законы органического мира. Философ сам с собой вступает в противоречие, утверждая, что все движется на поверхности, пребывает в покое на глубине, а на высоте созерцания противоположности уничтожаются¹⁸.

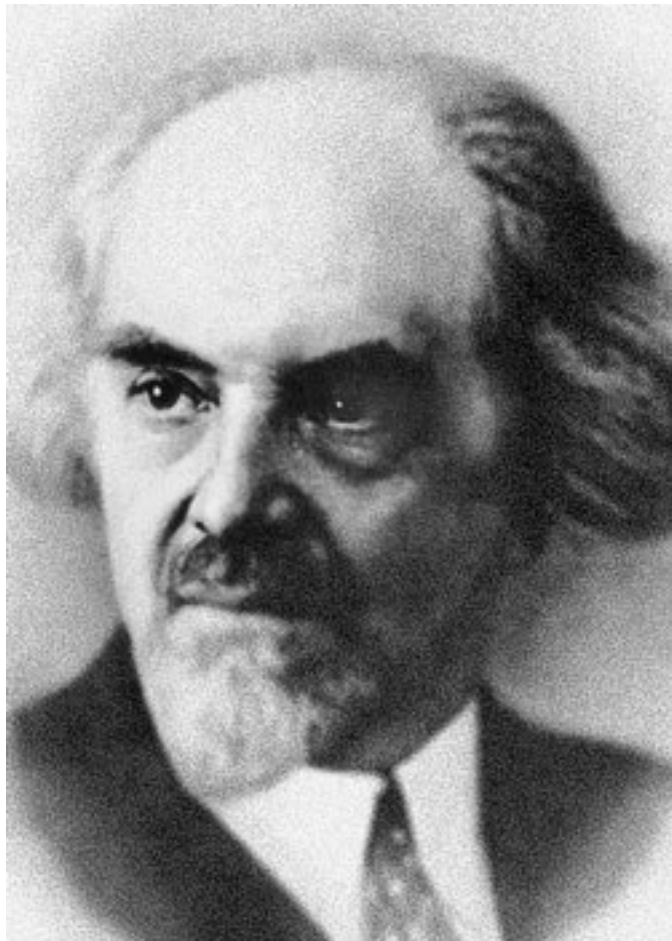
¹⁸ Шпенглер О. Закат Европы. – С. 37.



Илл. 10. Освальд Шпенглер

Однако как же достичь высоты созерцания, если унаследованная логика препятствует этому? – задаются вопросом русские философы, откликнувшиеся на книгу Шпенглера¹⁹. Почти каждый автор этой удивительной книги – «Освальд Шпенглер и Закат Европы» – разделял его критический взгляд, но упрекал в отсутствии религиозного чувства, ощущения Праосновы, извечности духовной культуры, – абсолютной Истины. О. Шпенглер, по их мнению, представил нечто эмпирически живое, но трансцендентально мертвое, хотя ему не чуждо чувство Мировой души, где вечно присутствуют прообразы культур. Эта Мировая душа время от времени отпускает души вселенских культур и принимает их обратно по завершении пути.

¹⁹ Почти все именитые философы: Н. А. Бердяев, Я. М. Букшпан, Ф. А. Степун, С. А. Франк – откликнулись на «Закат Европы» в книге «Освальд Шпенглер и Закат Европы», вышедшей в Москве в 1922 году, когда на «корабле философов» из России выдворили мыслящих.



Илл. 11. Николай Бердяев

За изложением живых фактов Семен Франк увидел у Шпенглера проникновение в абсолютное и вечное живое единство бытия и жизни, и этому не помешало отсутствие у последнего религиозной интуиции. Христианство у Шпенглера исчезает, тогда как История, по мнению Франка, при всей случайности и хаотичности внешних событий, представит необходимым осуществлением, каждый момент которого имеет свою самодовлеющую ценность в силу всеединства сверхвременного бытия. У Шпенглера, однако, есть лишь субстрат истории в виде Перводуши, в лоне которой пребывают до поры до времени души культур, но нет субъекта истории, ее создателя.

По мнению Федора Степуна, Освальд Шпенглер ощущал Мировую душу, хотя и говорит о ней туманно. Каждая культура, как Сатурн кольцом, опоясана своим роковым одиночеством, и все же в каждой из них разлит свет Мировой души. «В этой мировой душе все вечно пребывает; в ней и поныне живут потерянные трагедии Эсхила»²⁰, и не как созданные формы, а в невысказанной и неразрушимой первосущности.

Николай Бердяев свои размышления о книге Шпенглера назвал «Предсмертные мысли Фауста». Судьбу европейской культуры Бердяев сравнивает с судьбой Фауста, возжелавшего господства над миром, но истощившего себя в бездуховной цивилизации: для него померк свет Логоса. Культу-

²⁰ Там же. – С 13.

ра имеет своим истоком культ предков, она невозможна без священных преданий. Культура органична, от нее зависит качество жизни человека. Каждая культура имеет свое лицо, она индивидуальна, и это позволяет ей одухотворять сущее. Цивилизация же механична, безлика, бездуховна, ее мера – количество. «Нас, русских, нельзя поразить этими мыслями. Все русские религиозные мыслители утверждали это различие между культурой и цивилизацией»²¹.

Бердяев не верит в смерть культуры. Духовная культура если и погибает количественно, то сохраняется и пребывает качественно. «Она была пронесена через варварство и ночь старого средневековья. Она будет пронесена через варварство и ночь нового средневековья. Есть основания думать, что Шпенглер в русском Востоке видит тот новый мир, который идет на смену умирающему Западу»²². Он, действительно, видел в России «обетование грядущей культуры».

Не потому ли, что Россия живет не по правилам, она и мыслит не линейно, «проскочила» логическую фазу, да и с техникой в России не все ладно? Россия видит вдаль, но не видит вблизи, а потому часто спотыкается. Ее беда – в беспмятстве, так как она легко расстается с прошлым и, обрывая традиции, лишает себя источника питания. Можно не столько вспомнить слова Чаадаева, сколько задуматься над ними: «Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим

²¹ Там же. – С. 65.

²² Там же. – С. 70–71.

шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно. У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является нам Бог весть откуда. А ведь, стоя между двумя главными частями мира, Востоком и Западом, упираясь одним локтем в Китай, другим в Германию, мы должны были бы соединять в себе оба великих начала духовной природы: воображение и рассудок – и совмещать в нашей цивилизации историю всего земного шара. Но не такова роль, определенная нам Провидением. Оно всецело предоставило нас самим себе. В нашей крови есть нечто враждебное всякому истинному прогрессу»²³.

Но, может быть, в этом и состоит наше преимущество, если внутренне присущее обретет, наконец, внешние формы. Во всяком случае, необузданная Россия привлекла внимание Освальда Шпенглера. В «прямолинейном прогрессе» он не только не видел ничего хорошего, но более того – считал его скорее нисхождением, а в империализме видел символ конца: «мертвые тела, аморфные, бездушные человеческие массы, изношенный материал великой истории. Империализм есть цивилизация в ее чистом виде»²⁴. Как-то подзабыли наши нувориши, что власть денег от Сатаны, «люди

²³ Соч. и письма П. Я. Чаадаева // Философические письма. – М., 1914. – С. 113, 117.

²⁴ Шпенглер О. Закат Европы. – С. 29.



Илл. 12. Святилище Касуга-Тайся, Нара

По мнению Шпенглера, с арены мировой истории сошли уже восемь великих культур: египетская, индийская, вавилонская, китайская, греко-римская («аполлоновская»), византийско-арабская («магическая»), западноевропейская («фаустовская»), культура майя (видимо, по причине человеческих жертвоприношений. Но это особая тема). Согласно Шпенглеру, нарождается девятая великая культура – русско-сибирская²⁵. Против рождения русско-сибирской культуры трудно возразить. Но что ее ожидает, какая участь – предполагать сложно. Истинная культура бессмертна, как

²⁵ Аверинцев С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Вопросы литературы. – 1968. – № 1. – С. 148.

бессмертен дух. Судя по возрастающему интересу к культурам Индии и Китая, не говоря о Японии, жизнь опровергает его прогнозы.

Действительно, почему одни культуры ушли в прошлое, а другие остались? Ответ на этот вопрос может многое прояснить. Остались те культуры, которые следовали предназначению им Пути. Дао безостановочно: «Одно Инь, одно Ян и есть Путь». Значит, культурам не может быть уготована одна и та же судьба. Один Путь не может быть подобен другому: каждый сам по себе сообщается с великим Дао. Поэтому и понятия судьбы не было на Востоке²⁶. Но в чем нельзя не согласиться со Шпенглером, так это с его утверждением о кризисе цивилизации или того витка истории, основы которого были заложены в греческой модели мира.

²⁶ Григорьева Т. П. Идея судьбы на Востоке // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М., 1994. – С. 98–109.

Кризис западной цивилизации

*Двадцатый век. Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Крутящей гибель день и ночь...*

А. Блок. «Возмездие»

«Тень Люциферова крыла» ощущал и Гете в устремлениях падшего человека, когда писал в статье «Поэзия и правда»: «Чем больше Люцифер сосредотачивался в самом себе, тем было хуже ему и всем духам, которых он лишил радости сладостного восхождения к их первоистоку. Так свершилось то, что мы зовем отпадением ангелов. Поскольку же все зло, если простительно так называть его, пошло от Люциферовой *односторонности*, то вполне понятно, что сотворенному им бытию недоставало лучшей его половины»²⁷.

Роковая односторонность вместо радужной надежды породила отчаяние и нигилизм. Дух отрицания свел с ума Фридриха Ницше. Разочаровавшись во всем, чему поклонялись прежде, он взбунтовался против Бога, не оправдавшего, с его

²⁷ Гете И.-В. – Собр. соч. – Т. 3. – М., 1976. – С. 296–297.

точки зрения, надежд человека. Но именно Ницше стал властителем дум, не исключая России. Еще в 1910 году «Московское книгоиздательство» опубликовало полное собрание сочинений Ницше.

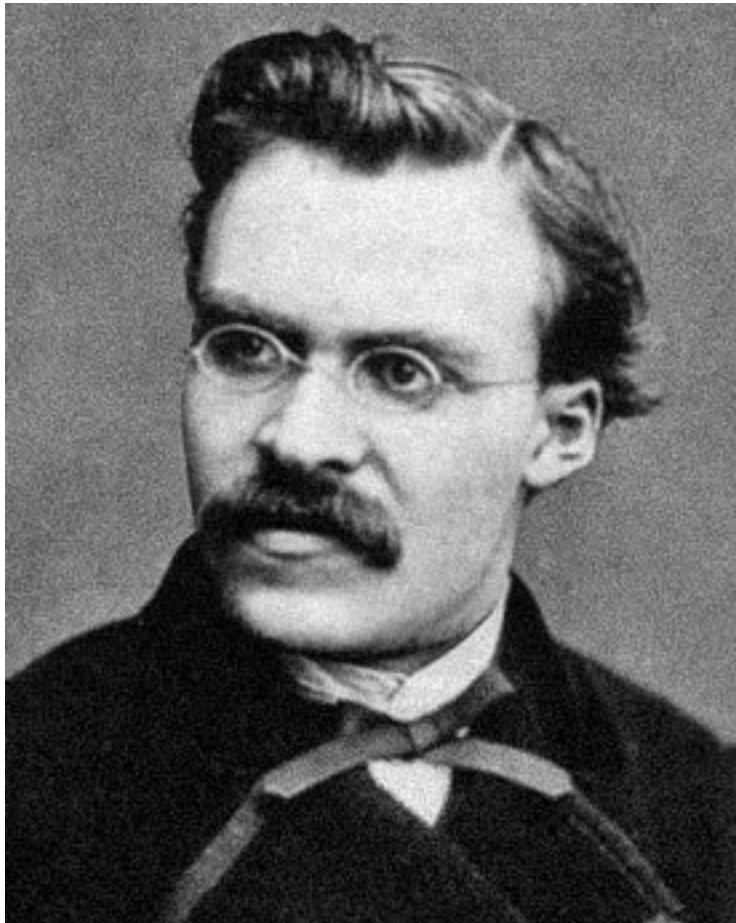
Фридрих Ницше в чем-то сродни Освальду Шпенглеру. И с его точки зрения, становление лишено всякого смысла, и если можно человеку на что-то уповать, так это на Грецию досократовских времен, на естественные инстинкты «природного человека». Жизнь сама по себе превосходит всякую логику. Названия работ Ницше говорят сами за себя: «Человеческое, слишком человеческое» (1878), «По ту сторону добра и зла» (1887) и, наконец, «Антихрист» – произведение, опубликованное уже по смерти автора. «Бог умер!» В безбожном мире все вывернулось наизнанку. «Порок, душевные больные. преступники, анархисты. все наши сословия и состояния проникнуты этими элементами. *современное общество* – не „общество“, не „тело“, но больной конгломерат чандалы – общество, утратившее силу *извергать из себя* вредные ему элементы»²⁸. Несмотря на это более всего живуч в нашем обществе синдром социальности: человек не мыслится вне общества, хотя оно не может ему дать того, в чем он действительно нуждается.

Общество обессилело оттого, что обессилел человек, которому Ницше предлагал превзойти себя: «*Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти... а вы*

²⁸ Ницше Ф. Воля к власти // Полн. собр. соч. – Т. 9. – М., 1910. – С. 34.

хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?»²⁹ Но его сверх-человек не «превзошел себя»: оказавшись во власти удвоенного «я», сверх-эго, субъект затерялся в мире объектов.

²⁹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – СПб., 1911. – С. 5.



Илл. 13. Фридрих Ницше

Полвека не прошло с тех пор, как Вильгельм фон Гум-

больдт, соотечественник Фридриха Ницше, говорил о снятии субъективности – во имя пробуждения подлинного субъекта, творца истории. Там, где достигается глубина исследования, прекращается механическое и логическое действие рассудка, игнорирующего своеобразие. Наступает процесс «внутреннего восприятия и творчества, из которого становится совершенно очевидным, что объективная истина проистекает от полноты сил субъективно индивидуального»³⁰. Внутренний человек, по Гумбольдту, свободен от внешней личности, социальных уз. Сопоставим его высказывание со словами Конфуция: «Благородный человек (*цзюньцзы*) не коллективен, но всеедин. Мелкий человек (*сяожэнь*) коллективен, но не всеедин» (Луньей, 2, 14). Мелкий человек думает о выгоде, о частных, групповых интересах, а благородный – об Истине, общем благе. «Благородный человек устремлен к Основе. Достигая Основы, обретает Путь» (Луньей, 1, 2).

³⁰ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 320.

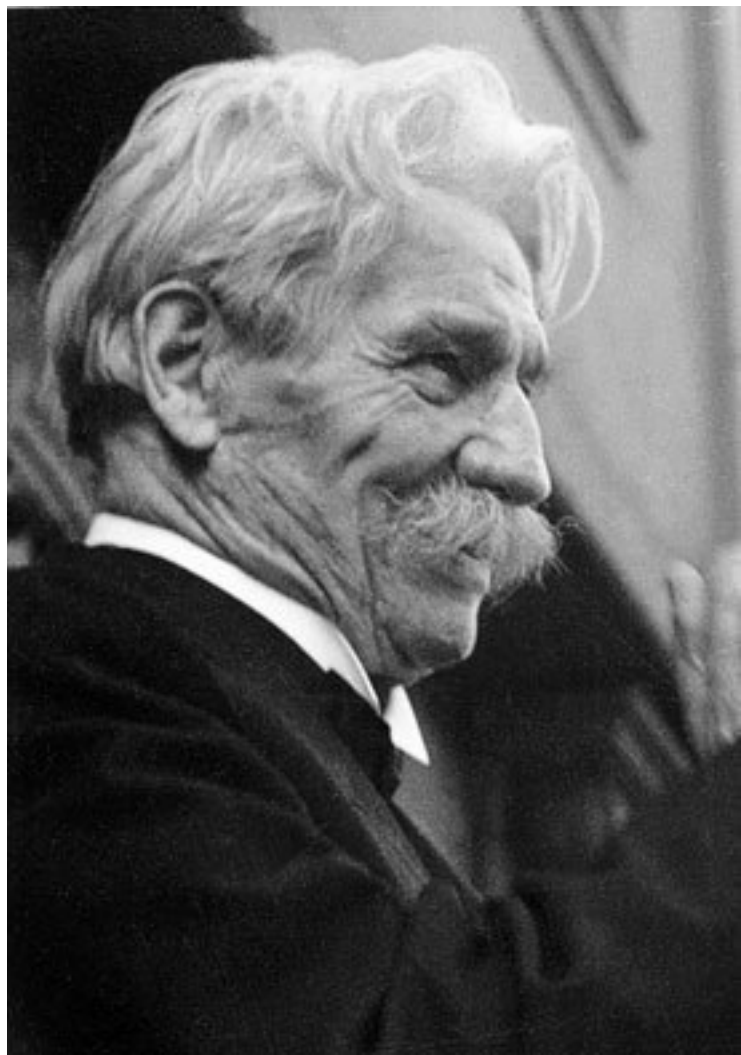


Проблема субъекта в наше злополучное время оказалась в центре внимания. Человеку предназначено найти себя, и этим озабочен Гумбольдт: «Субъективность отдельного индивида снимается, смягчается и расширяется субъективностью народа, субъективность народа – предшествующими и нынешними поколениями, а субъективность этих последних – субъективностью человечества вообще»³¹. Что означают слова: «субъективность индивида снимается субъективностью народа»? Освобождаясь от эго, человек начинает видеть других; очищаясь, его душа открывается миру. Эгоцентризм, как всякий мнимый центр, отторгается законами Целого. Не ощущая своей причастности миру, отчуждаясь от него, он начинает саморазрушаться. Эгоцентризм снимается чувством единородства со своим народом, с которым человек связан невидимыми нитями. Истинный человек индивидуален и национален одновременно, то есть тогда индивидуален, когда национален, и наоборот. Он думает о душе народа, но не превозносит ее, не противопоставляет другим. Противопоставление, по Конфуцию, – удел мелкого человека.

Что означают слова Гумбольдта о том, что «субъективность народа снимается субъективностью человечества»?

³¹ Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 316.

Тот народ заслуживает доверия, который свободен от национального эгоизма, ощущает себя частью человечества и разделяет его заботы. Чувствовать свою причастность миру может лишь народ, не утративший своей индивидуальности, связи с предками. Кто не дорожит своим прошлым, тот не может уважать и прошлое других народов. Нация, не преодолевшая «субъективность народа», думая лишь о своих частных интересах, саморазрушается, как саморазрушается всякая часть, претендующая на место Целого. Все, что нарушает закон Целого, этим целым отторгается как инородное тело.



Илл. 15. Альберт Швейцер

Логика Целого рождает мысль о субъективности человечества. И человечество не выдержит испытания, если продолжит бездумное покорение Космоса, не отдавая себе отчета в том, что путь покорения, колонизации исчерпал себя. Человечество есть часть Вселенной, и никакая из ступеней ее Иерархии не может быть обойдена. Земля входит в систему Целого более высокого порядка, скажем, в галактику, подчиняясь единым законам. Целостность одного служит условием целостности другого. Эти мысли Вильгельма фон Гумбольдта перекликаются с мыслями великих русских космистов (с учением В. И. Вернадского о Ноосфере, со взглядами К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского и др.) Согласно А. Л. Чижевскому, в нашей Солнечной системе все взаимосвязано, пульсирует в согласии с ритмом Солнца. Человек в процессе утробного развития повторяет все стадии Эволюции, служит как бы экраном прошедших ее фаз. Конечной целью человека является Просветление, в которое верили великие дзэнские мастера, ученые и художники.

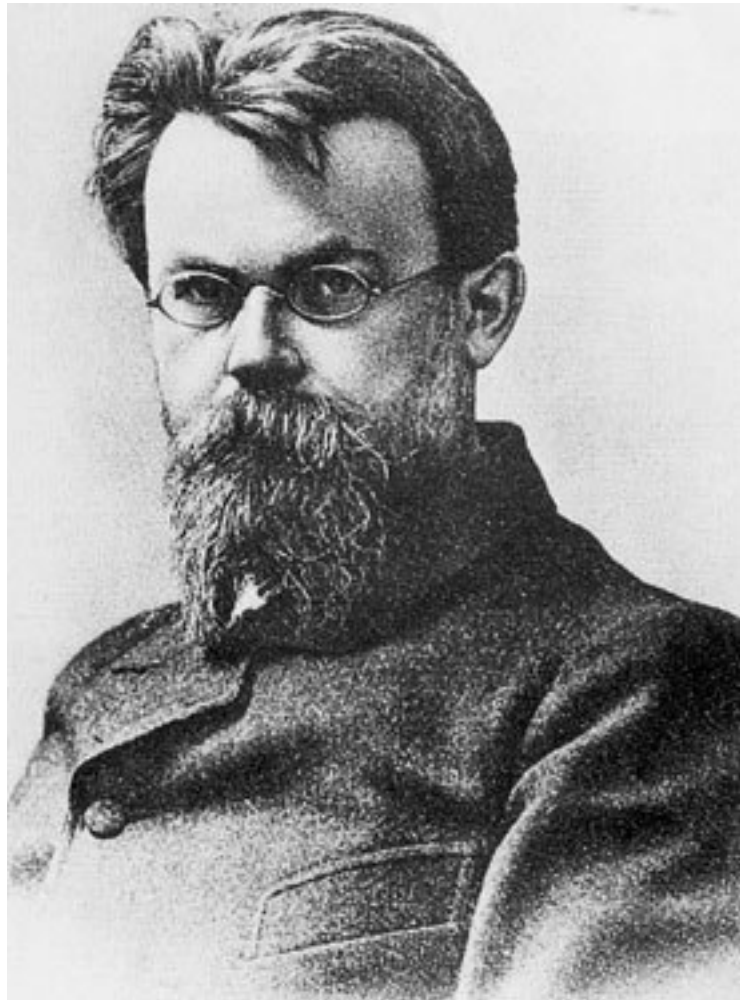
Однако многие предпочли идеи Ницше парадоксам Гумбольдта. Ницше обнадежил, но его надежды не оправдались. Не потому ли, что «когда человек живет по человеку, а не по Богу, он подобен дьяволу» (Св. Августин. О граде Божием, 14, 4)? Иначе как понять слова Ницше: «Война и мужество

совершили больше великих дел, чем любовь к ближнему»³². Гете понимал, как страшится Сатана пробужденного, человека, не подвластного его воле:

Я – части часть, которая была
Когда-то всем и свет произвела.
Свет этот – порожденье тьмы ночной
И отнял место у нее самой.
Он с ней не сладит, как бы ни хотел.
Его удел – поверхность твердых тел.

Гете. «Фауст» (пер. Б. Пастернака)

³² Ницше Ф. Воля к власти. – М., 1994. – С. 37.



Илл. 16. Владимир Вернадский

И взбунтовался честный ум, восстал против сверхчеловека. В 1952 году Альберт Швейцер возвысил голос в защиту человека: «Но сверхчеловек, наделенный сверхчеловеческой силой, еще не поднялся до уровня сверхчеловеческого разума. Чем больше растет его мощь, тем беднее он становится... Наша совесть должна пробудиться от сознания того, что чем больше мы превращаемся в сверхлюдей, тем бесчеловечнее мы становимся»³³. Сознание, обращенное к «поверхности твердых тел», назвали плоскостным, зауженным. Люди пытались изменить жизнь, не изменив свой ум: однако «конечное может расти без конца, но никогда от бесконечного увеличения конечной величины не получится актуальной, положительной бесконечности»³⁴. Шпенглер оказался прав: западно-европейский путь не является единственно возможным.

Восточный ум не располагает к оперированию понятием «часть»: мир един, он не конструируется, а существует извечно, меняются лишь формы его проявления. Не могла на этой почве привиться идея сверхчеловека, противоречащая представлениям о Едином. Современный индийский писатель Раджа Рао говорит об этом вполне определенно: «Сверхчеловек – наш враг. Посмотри, что случилось в Индии. Шри Ауробиндо хотел, если угодно, улучшить *адвайту*

³³ Цит. по: Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1990. – С. 11.

³⁴ Эрн В. Ф. Борьба за Логос. – М., 1911. – С. 255.

(адвайта – абсолютная недвойственность. – Т. Г.) Шри Шанкары, в попытке улучшить числовое положение ноля. Ноль образует все цифры, с ноля начинается все. Ноль – безличен, в то время как один, два, три – все числа дуальны. Один всегда подразумевает много, а ноль подразумевает Ничто»³⁵.

³⁵ Raja Rao. *The Serpent and the Rope*. – L., 1960. – P. 207. Буддолог Л. Мьяль напоминает, что индийские математики, усвоившие ноль в III веке до н. э., обозначили его словом «шунья» и описали так же, как буддисты описывают Нирвану.



Илл. 17. Александр Чижевский

Этим все сказано, если понять, о чем идет речь. А речь идет о разном понимании «начала»-«безначального», о разных путях развития Запада и Востока, разных формах сознания. Адвайта – это непротивостояние одному другому, это недвойственность. Существует одна Реальность, для одних это – Брахман, для других – Будда. Из этой единой, неопи-сваемой, не имеющей формы Основы все проистекает. Проблема эта очень непроста и настолько важна для сохранения Целого на любом уровне – на уровне клетки или галактики, что вынуждает то и дело обращаться к ней в книгах (напри-мер, «Дао и Логос»³⁶), в статьях, выступлениях.

Итак, одни мыслители исходили из видимого мира, опре-деленности, принимая за исходное что-то Одно, безусловное начало – архе, к которому сводили все – будь то Вода Фа-леса, Огонь Гераклита, Воздух Анаксимена или Число Пи-фагора. «Одно» служило точкой отсчета для последующе-го причинноследственного ряда – дискурсивного мышления. Образованная единым началом (архе) линия рассекла явлен-ное на две половины: субъект – объект, человек – природа, сущность – существование. «Правильно мыслить значит раз-делять разделяемое и соединять соединяемое», – наставлял Аристотель. Метод аналитики обусловил характер науки и психологию людей. Идею «беспредельного» Анаксимандра Аристотель не мог принять именно потому, что существовал

³⁶ Григорьева Т. П. Дао и Логос. Встреча культур. – М., 1992. – С. 3–420.

«предел», беспредельное же внушало ужас.

В отличие от «беспредельного» Дао или Тайцзи китайцев, которому ничто не противостоит, беспредельное для греков имело предел, как в первой из десяти пар Пифагора: «беспредельное – предел». Кстати, в той же, упоминавшейся уже мною книге об Освальде Шпенглере Федор Степун тонко подметил, что пифагорейское число, лежащее в основе всех вещей, – не что иное как мера и пропорция, как чувственная плоскость античной статуи. Пафос дали, пафос бесконечности абсолютно чужд ей, потому античная математика никогда бы не могла принять концепции иррационального числа, связи между числом и бесконечностью, связи, которую Бердяев определил как сингулярную. Для китайцев число никогда не было основополагающим, как и слово: то и другое – функция Дао.

Греки тоже признавали совершенной форму круга – шара. Но уже Фалес рассек его диагональю, доказывая равенство вписанных в него треугольников, и тем самым положил начало линейной геометрии. При этом шар был осязаем, конечен, судя по восприятию Парменида: «Могучая необходимость держит в оковах его, пределом вокруг ограничив. // Есть же последний предел, и все бытие отовсюду // Замкнуто, массе равно вполне совершенного шара, // С правильным центром внутри» (О природе, фр. 8, 30, 42). Что отсюда следует? То, что выразил сам Парменид: «Бытие есть, Небытия же нет». Бытие неизменное, вечное, располагающее к ста-

тике. Лао-цзы же скажет: «Все вещи рождаются из Бытия, Бытие же рождается из Небытия» (Даодэцзин, 40). Причем рождается оно непредсказуемо, каждый раз по-своему. Поэтому трудно вычислить, подвести под одну мерку, как в монокентрической картине Парменида, правильный центр замкнутого шара.

Сосредоточенность на внешнем, видимом, без выхода к вечному, приводила к избытку, вражде, хотя мудрейший Гераклит уверял: «Тайная гармония лучше явной». Все движется, отрицая друг друга: идеи, формы, стили, – в поисках вечной Истины, в которую не верят. Для Лао-цзы в Невидимом Дао все уже есть, и все пребывает в гармонии. Одно не существует за счет другого, потому и называют Дао моральным Законом, высшей Справедливостью. Истина существует, поэтому она постижима для пробужденного. «У великого Пути великое Дэ (дарование). Путь неясен, туманен, но в тумане, неясности есть Образы. Глубинное, темное, внутри – Семена (*Цзин* – тончайшая энергия). В этих Семенах – Истина (*Чжэнь*), Искренность (*Синь*). С древности и поныне имя его неизменно. Откуда это ясно? От Дао» (Даодэцзин, 21).



Илл. 18. Кацусика Хокусай (1760–1849). Мост

Если все уже существует в невидимой форме, то оно доступно просветленному, по Лао-цзы: «Достигнешь предельной Пустоты, утвердишься в Покое, и все будет само собой»

совершаться. Созерцай возвращение вещей к своему истоку. Возвращение к истоку назову Покоем – велением Неба. Следующий велению Неба – постоянен. Знающий Постоянство – просветлен. Не знающий Постоянства неведением творит злое (*сюн*). Знающий Постоянство – терпим. Терпимый – справедлив» (Даодэцин, 16). В 55-м чжане Лао-цзы уточняет: «Постоянство – знание Равновесия (*Хэ*). Постоянство назову Просветленностью (*Мин*)».

Небесная программа определяет земную жизнь, но не абсолютно, а в зависимости от состояния человеческого Дао, оставляя свободу выбора. И буддийская *карма* не задана подобно зловещему *року* греков. Слово «карма» пишется иероглифом «дело», «делается». Она может быть отработана в устремлении духа к свободе, к Пустоте, понимаемой как незагруженность ума вторичными вещами. Буддисты изображали Пустоту в виде круга, разомкнутого в вечность. Принципиально разное отношение к Небытию я попыталась выразить в символах Квадрата и Круга, первичных структурах сознания, обусловивших разные типы мышления и пути развития³⁷.

Обе парадигмы – квадрата и круга – возникли почти одновременно, примерно в VIII–III вв. до н. э. – в то самое «осевое время», которое, по Ясперсу, свидетельствует о глубинном родстве культур Востока и Запада, о «предустановлен-

³⁷ Григорьева Т. П. Квадратура круга (парадигма квадрата) // Дельфис. – 2002. – № 3–4.

ной гармонии» – по Лейбницу. «Одно Инь, одно Ян и есть вселенское Дао». Если не нарушается закон подвижного Равновесия (Хэ), то происходит обновление Неизменного. Если же нарушается Равновесие Инь-Ян, и они расходятся в разные стороны (как в 12-й гексаграмме «Ицзина» «Упадок»), то все приходит в разлад. Сдвоенное Ян превращается в стихию Огня – Мировой пожар, засуху. Сдвоенное Инь в стихию Воды – во Всемирный потоп, наводнения. Нарушение равновесия Инь-Ян мы наблюдаем в разбалансированности природы, в непредсказуемости климата, а результат этого – падение рождаемости, подорванное здоровье людей. И все это – дело рук человеческих, которые не ведают, что творят.

О «квадрате» свидетельствует и склонность греков к «четверке»: четыре первоэлемента – огонь, вода, земля, воздух; четыре основные науки – арифметика, геометрия, астрономия, гармоника; в отличие, скажем, от пяти у даосов и шести – у буддистов, включая сознание. Законодателем же у греков остается *человек*, предложивший миру свой план развития. Квадрат как замкнутая система давал возможность не отвлекаться на потустороннее, позволял сконцентрировать энергию на видимом мире и добиться успехов в науке и искусстве. И вряд ли это было случайным, не соответствующим Небесному Пути или великому Дао. Иначе прошел бы восторг человечества перед греческой философией и греческим искусством.



Но все хорошо до поры до времени. Антропоцентризм не только придал человеку силы, но он же и истощил их, как истощает себя часть, возомнившая себя Целым. В сущности, антропоцентризм и есть первородный грех, гордыня, затмившая разум. Полагаясь на себя, человек превзошел Мэру, закон Великого Предела. Ощувив себя не только «богоравными», но и «вольнотпущенниками природы», люди утратили опору в Бытии. Блаженный Августин предвидел: «Если бы Адам не отпал от Тебя, не излился бы из его чрева этот морской рассол, род человеческий, предельно любопытный, неистово надменный, неустойчиво шаткий» (Исповедь Блаженного Августина, 13, 20, 28). Грех подменять Целое частью, Бога – человеком, лишая Свободы, Им предустановленной. Никакая часть не заменит Целого, и всякая часть, посягнувшая на полноту, теряет себя по причине неправды.

Квадрат оказался конечным. Он допустим как функция: его не существует в Природе и в природе самого человека, а всякая искусственная форма – невечна, она сходит, выполнив свое назначение. В начале XX века Квадрат, не имея опоры, породил аномалии в искусстве (кубизм, футуризм, словом – авангардизм) и закончил себя «Черным квадратом», абсолютной немотой. Его создатель, Казимир Малевич, ощущал «нулевость», отсутствие определенности: «Если кто-то познал абсолют, познал ноль». Эти слова – из ма-

нифеста Малевича «Супрематическое зеркало» 1923 года. Это был перелом в сознании, но не прорыв, хотя в нем была великая надежда: «В человечестве образован полюс единства, к нему сойдутся все культуры радиусов», – писал Малевич в работе «О новых системах в искусстве».

Но надежда Малевича не оправдалась: «Нет бытия ни во мне, ни вне меня, ничто ничего изменить не может, так как нет того, что могло бы быть изменяемо», – писал он в своем манифесте, признавая, что Ноль побежден архетипом «ничто», меоном и коварством Времени. В наши дни теперь всегда побеждают деньги, и никаких метафизических терзаний! Михаил Швыдкой приобрел «Черный квадрат» Малевича за миллион долларов для Эрмитажа – по непонятным мотивам. И это сейчас тем более странно, что само понятие *Квадрат* уже утратило свой положительный смысл, не выдержав испытания квадратными концлагерями. Ныне с презрением говорят о «квадратном мышлении», до предела зажатом. Василий Аксенов писал в «Асфальтовой оранжерее»: «Не пройдет и года, как „квадраты" в полицейской форме будут избивать „неквадратный народ" и в Париже, и в Чикаго, и в других местах мира». На английском сленге словом *square* называют безропотное, послушное большинство, как у нас «шестерок».

В основе восточной мысли лежала Беспредельность (Великий Предел – Тайцзи, вселенский зародыш): Ничто, Ноль, понимаемый как полнота непроявленного мира. «Дао – нуль

бродит в царстве Великого нуля; гнездится в пустоте, Дао – середина (точка) без измерений, без формы, без постоянств»³⁸. Сравним с идеей Аристотеля: «Нелепо считать пустотой точку: она должна быть местом, в котором имеется протяжение осязаемого тела» (Физика, 4, 7). Для Аристотеля точка – начало линии. Индийский писатель точно уловил разницу: определенность, единица рождает последующий ряд чисел, линейную логику. Последующая часть обусловлена предыдущей, и все части – звенья одной цепи. Одно следует за другим, конструируя свой мир, «вторую природу», которая все больше отдаляется от первой, превращаясь в «вербальную реальность», развивающуюся по своим законам.

Однонаправленное движение, набирая скорость, приводит к накоплению идей, вещей, информации. Казалось бы, что в этом плохого? Но качество жизни переходит в чистое количество³⁹. И это гораздо опаснее, чем может показаться на первый взгляд. Количество тем и отличается от качества, что ни за что не отвечает, чистый соблазн. Высший Разум не зависит от накопления информации. Массовое сознание

³⁸ Алексеев В. М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908). – Пг., 1916. – С. 455–456.

³⁹ Рене Генон в своей книге (Генон Р. Царство количества и знамения времени. – М., 1994. – С. 41, 58, 71, 116), в частности, пишет о «количественной психологии», приведшей к «уравниванию всего по низу», к единообразию вместо единства; к «сатанинской» пародии на единство – к «глупости» нашей эпохи, к «отвердению мира».

меняет природу человека, профанирует все, что попадает в его поле: литературу, искусство, музыку, человеческие отношения. Избыточность провоцирует кризис цивилизации и культуры – эта идея стала чуть ли не сквозной темой многих конференций. Когда качество переходит в количество, переворачиваются все ценности: нет ничего святого, а значит, все дозволено – меон в чистом виде. И сколько бы ни ратовали люди за свободу слова, ее не может быть в перевернутом мире.

Так, с постоянными сбоями, шло развитие цивилизации на Западе. На Востоке же замедленный ритм жизни производил впечатление полного затишья, штиля, но движение шло на глубине. Еле заметные волны то появлялись из Небытия, то возвращались на глубину, чтобы не прерывалась связь Земли с Небом. Разные картины мира породили разные ритмы, масштабы, разные методы познания: логически доказуемое, исчисляемое в опыте считают истиной, пусть относительной, другие считали относительные истины пустым знанием, в лучшем случае – условным знанием (*виджняна*), третьи полагались на спонтанность, интуицию: невозможно объять необъятное, четвертые считали, что явленное не может исчерпать неявленное, истинно-сущее. Но в процессе сосредоточенности проясняется сознание, пробуждается Всезнание – *Праджня*, или безусловное знание.

Тип мышления обусловил законы искусства и ритмы истории. Одни предпочли Действие – Ян, другие Недеяние –

Инь: зачем действовать наперекор, если все уже существует в лучшем виде? По словам Плотина, «кому не под силу думать, тот действует». Изначальна Гармония, а не Хаос, который нужно переделывать. Если Гармония изначально, нужно искать ее на глубине, в «душе вещей». Одни искали Свободу во внешнем мире и попадали каждый раз в зависимость от того, что искали, – всякая неполнота стремится заполнить свой недостаток. Другие, полагая, что в иллюзорном мире все иллюзорно, и свобода в том числе, искали ее, удаляясь от мира, – в прямом и переносном смысле. Они не только становились отшельниками, странствовали, но и сокращали пространство до точки, время – до мгновения. Ощущая в миге вечность, не зависели от времени (таково искусство японцев).

Устремленность к внутренней свободе естественно вытекала из ощущения полноты Небытия, проявлявшего себя каждый раз по-новому, – неожиданно, мгновенно (*. мэдзурасий*). Душа вещей резонировала на душу взыскующего. Причина стремления к внутренней свободе заключается и в отсутствии свободы внешней, в системе строгой субординации, регламентации поведения, образа жизни. Это противоречие между стремлением к внутренней свободе при внешней несвободе нередко оборачивалось трагически для мастеров чайной церемонии и для поэтов прежних времен, которых могли казнить, в лучшем случае – сослать на отдаленный остров.

В России высокая философия не приняла ни западного прагматизма, ни идеи сверхчеловека, самозамкнутого эго. Владимир Соловьев понимал Всеединство как «индивидуализацию любви». Евгений Трубецкой писал, повторим его слова: «Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя». И не спорит с Ницше, а сострадает ему Владимир Эрн: «Над Европой восстала трагическая фигура Фридриха Ницше. Магистраль исторического развития всегда идет через *гениев*... В нем творит, вздыхает и болеет душа мира. Болезнь гения. свидетельствует, что самые истоки, от которых все мы пьем, поражены недугом. Безумие Ницше *обосновано* всей историей новой философии. Основной принцип этой философии *ratio* в корне своем поражен болезнью дурной отвлеченности.

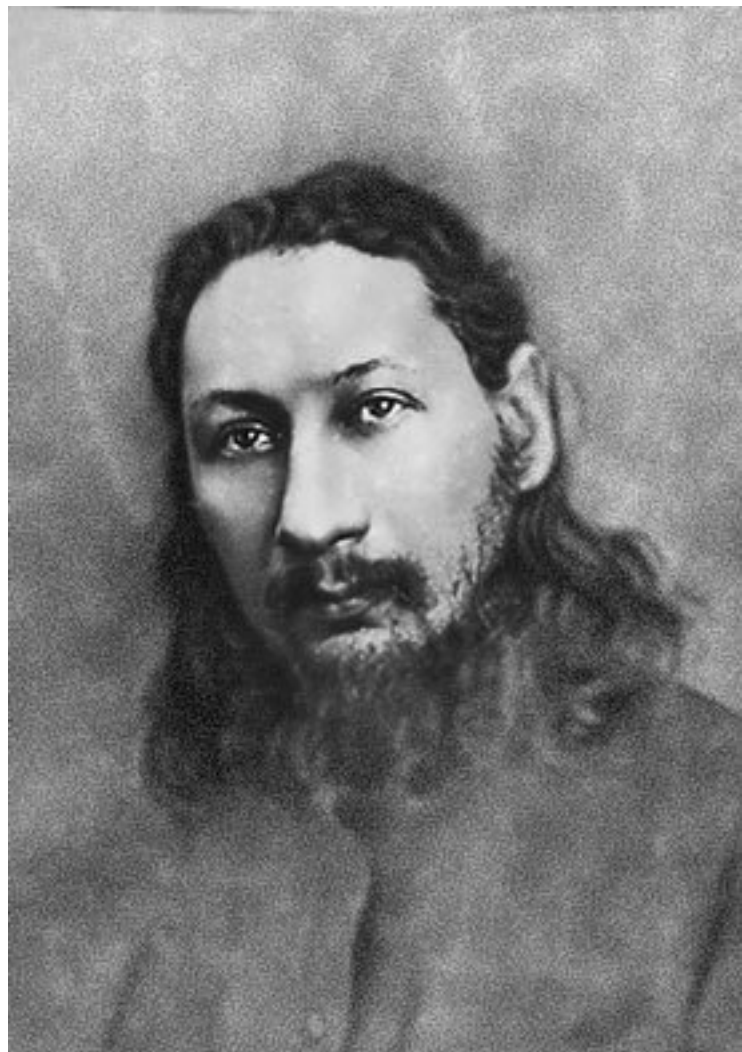
Минуя действительность, *ratio* с необходимостью вовлекается дурной своей логикой в пустой схематизм. Философия становится абсолютно внежизненной. Гносеологический дуализм принимает небывалые абсолютные формы.

И этот дуализм *коррелятивен* с безумием Ницше»⁴⁰.

Мало кто из русских философов той поры не согласился бы с Эрном. Но не в этом ли метафизическая причина их преждевременного ухода из жизни или выдворения из России? Мыслить было опасно: истреблялась именно мысль, рожденная нравственным чувством. Без высокой мысли Рос-

⁴⁰ Эрн В. Ф. Борьба за Логос. – С. 339–340.

сии не совершить тот духовный прорыв, в который верили не только Шпенглер или Вивекананда.



Но не зря говорят: чему быть, тому не миновать (тому, что думает Бог в вечности). Павел Флоренский прозревал в индивидуальном, единичном путь к единству. В заточении, с Соловков, писал он сыну Кириллу (в феврале 1937 года): «Что я делал всю жизнь? – Рассматривал мир как единое целое, как единую картину и реальность, но в каждый момент или, точнее, на каждом этапе своей жизни, под определенным углом зрения. Я просматривал мировые соотношения на разрезе мира по определенному направлению, в определенной плоскости и старался понять строение мира по этому, на данном этапе меня занимающему признаку»⁴¹. Не удивительно, что «точка» для Флоренского – не начало линии, а символ Единого. В точке все сходится: пустота и полнота, свет и тьма, мир видимый и невидимый (она есть и не есть одновременно), соединение единицы и нуля. Прямая же линия, по Флоренскому, – это машина для уничтожения реальности. Не линия состоит из точек, а точки составляют линию, и лишь восходящая вертикаль обуславливает пространственный синтез⁴².

Из сферы внешнего мысль проникала в сферу внутреннего, внутренне центрированного, – от количественного из-

⁴¹ «Литературная газета» от 30 ноября 1989.

⁴² Статья Павла Флоренского «Точка», предназначенная для «Словаря символов» появилась много позже в «Памятниках культуры» (М., 1982).

мерения к качественному. «Квадратные» почуяли в этом стремление к свободе и запретили «Словарь символов» со статьей Флоренского. Но интерес к сакральной «точке», микромиру, где совершается акт творения, не мог уже исчезнуть, знаменуя переход от мертвой схемы к Жизни.



Чему быть, тому не миновать: явились русские космисты. Константин Циолковский размышляет о Нирване, изучает санскрит. «Нулевые ощущения также бесконечно разнообразны. В идеальном виде это есть небытие. Не смерть, а именно – небытие. Но есть ли жизнь только взбаламученный ноль»⁴³, – пишет он. Для Циолковского преисполнено смысла каждое мгновение, каждый атом: «Ни один атом вселенной не избегнет ощущений высшей разумной жизни. Если космос имеет причину, то и причине этой мы должны приписать такие же свойства – всеобщей любви. Причина создала вселенную, чтобы доставить атомам ничем не помраченное счастье. Она поэтому добра. Значит, мы не можем ждать от нее ничего худого»⁴⁴. Ну а поэт Николай Гумилев скажет: «Мы не решились бы заставить атом поклоняться Богу, если бы это не было в его природе». Какой же всемирный грех взяли на себя те, кто решился расщепить божественный атом, ген Жизни!

Гений Льва Толстого проник в суть Перемен, поверив в расширение сознания: «Нет ни материального, ни духовного, а есть только мое прохождение через пределы вечного, бесконечного, которое есть Все само по себе и вместе с тем

⁴³ Циолковский К.Э. Нирвана. – Калуга, 1914. – С. 1, 5.

⁴⁴ Циолковский К. Э. Воля вселенной. Неизвестные разумные силы. – Калуга, 1928–1930. – С. 6–7, 30.

Ничто (Нирвана). Освобождение – в самоотречении. Освобождение – в углублении духа в единое истинное бытие, оно же есть Брама – Атман, основа всякого бытия и истинная сущность человеческого духа. Брама есть свойственное человеку истинное Я, сущий во мраке телесного Атман, Единое, Целое, Вечное. Человеческое Я есть земное воплощение Атмана, земное проявление его»⁴⁵. Лев Толстой говорит о том, что мы существовали прежде этой жизни, хотя и забыли об этом. Лейбниц называл «вечную часть нашей нравственной природы» монадой, Гете – энтелехией. Но, в сущности, одна есть религия – «это та, что одно во всех. „Tat twam asi“ – „Кто ты?“ – „Я есмь ты“»⁴⁶. Не случайно Лев Толстой является одним из любимых писателей в Японии. По признанию Като Наоши, мало найдется духовных вождей в его стране среди христиан, буддистов, которые не обязаны были бы своим вдохновением графу Толстому.

Не меньший интерес Лев Толстой проявлял к учениям китайских мудрецов – Лао-цзы и Конфуция, вникая в «Даодэцзин» и «Великое Учение» и соглашаясь с тем, что совершенствование человека есть начало всего; что следование своей природе есть истинный Путь человека. Он принял истину Срединного Пути: «Внутреннее равновесие есть тот корень, из которого вытекают все добрые человеческие деяния. Путь неба и земли может быть выражен в одном изречении:

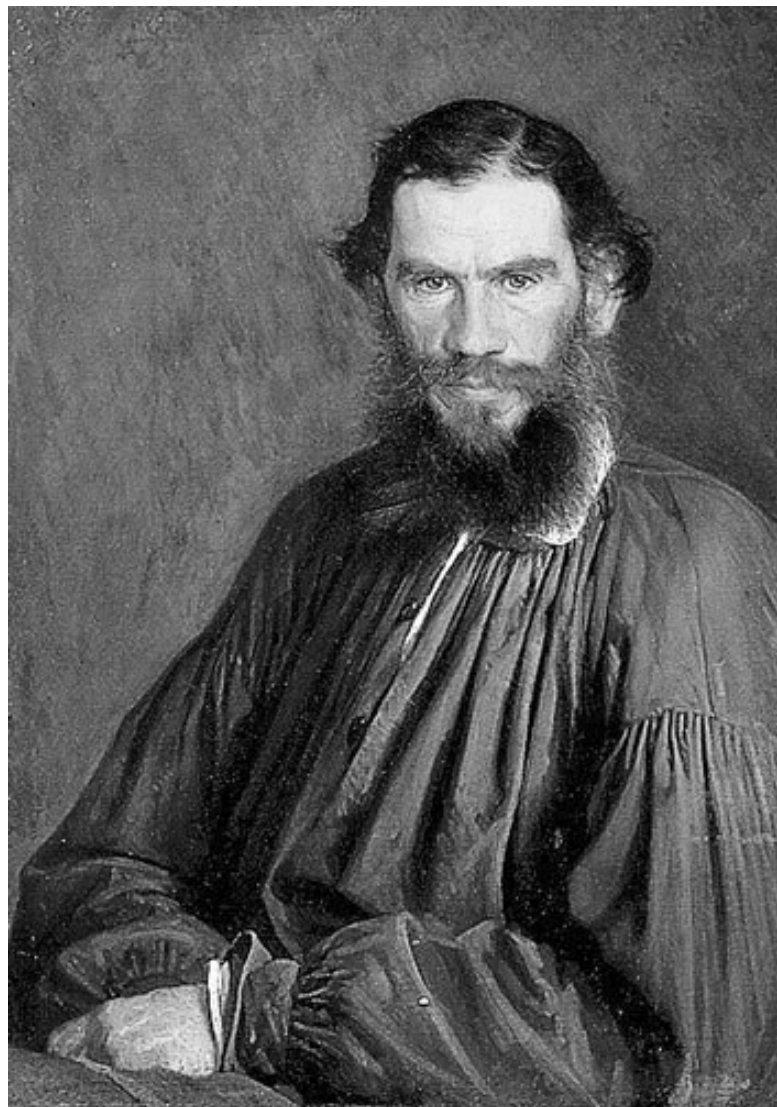
⁴⁵ Цит. по: Бунин И. А. – Собр. соч. – Т. 9. – М., 1967. – С. 50.

⁴⁶ Цит. по: Фет А. А. – Соч. – Т. 2, – М., 1982, – С. 279.

„В них нет двойственности, и потому они производят вещи непостижимым образом“»⁴⁷.

Не потому ли Лев Толстой остался верен Христу, Его учению о Срединности? В статье «В чем моя вера?» он пишет: «Место, которое было для меня ключом всего, было место из V гл. Мф, ст. 39: „Вам сказано: око за око, зуб за зуб. А Я вам говорю: не противься злему“. Я вдруг первый раз понял этот стих прямо и просто. Мы устроили всю свою жизнь на тех самых основах, которые Он отрицает, не хотим понять Его учения в его простом и прямом смысле. А так как учение Христа отрицает всю эту жизнь, то из учения Христа не берется ничего, кроме слов».

⁴⁷ Цит. по: Буланже П. А. Жизнь и учение Конфуция. – М., 1903. – С. 36–38.



Для Льва Толстого мерило всего – совесть, голос духа. Он хочет, чтобы люди осознали ясно, кто они, осознали то, чему учили все мудрецы мира и чему учит Христос: в каждом человеке живет свободный, один и тот же во всех, вечный, всемогущий дух, сын Божий. «Человек не может ни властвовать, ни подчиняться, ибо проявление этого духа одно – *любовь*. Сознай это люди (а люди уже готовы к этому сознанию) и поступай согласно с этим». И уничтожатся все затруднения «не только в христианском мире, но и во всем человечестве»⁴⁸.

Не случаен интерес к нравственной проблеме «нуля» и Владимира Ивановича Вернадского. Понятия нуля не было в эллинской науке. В Западной Европе о нем узнали в XI–XII веках. Археологические находки свидетельствуют о том, что около 3000 лет до н. э. ноль был известен в доарийской цивилизации Мохенджодаро в бассейне Инда. Но понятие нуля «совершенно не захватило пытлившую мысль греков и на Западе Европы вошло в жизнь в Средние века через арабов и индусов»⁴⁹.

Психологически это объяснимо предубеждением против

⁴⁸ Толстой Л. Н. О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии // Толстовский листок. – 1995. – № 5. – С. 134.

⁴⁹ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. – Кн. 2: Научная мысль как планетарное явление. – М., 1977. – С. 45, 48.

пустоты, покоя в древней установке сознания, которую Эрих Фромм определил, как «быть, чтобы иметь». Даосы и конфуцианцы, как и христиане, не считали возможным ставить себя в зависимость от вещей, а стремление к обретению материального считали пороком. Что уж говорить о японцах с их установкой на минимализм: ничего лишнего ни в искусстве, ни в быту. Не порабощать себя внешним, видимым, ибо Истина – в глубине вещей: в этом суть поэзии хайку и всего искусства Дзэн.



Илл. 23. Александр Блок

И вновь мысль возвращается к Николаю Бердяеву, кото-

рый верил, что философия, преодолев рационализм, соединится с религиозной жизнью. Он связывал свободу с возрождением культуры: «Цивилизация возникла как средство, но была превращена в цель. Культура есть средство для духовного восхождения человека, но она превратилась в самоцель, подавляющую творческую свободу человека»⁵⁰. Однако Бердяев не терял веру в человека, говоря в «Самопознании», что Истина была для него Богом, но истина может вочеловечиться. И повторил свою мысль: «В результате долгого духовного и умственного пути я с особенной остротой осознал, что всякая человеческая личность, личность последнего из людей, несущая в себе образ высшего бытия, не может быть средством ни для чего, в себе имеет экзистенциальный *центр* и имеет право не только на жизнь, отрицаемое современной цивилизацией, но и на обладание универсальным содержанием жизни»⁵¹.

Неизбывно то, что таится в памяти культуры, оно не исчезает, а лишь уходит на глубину в трудные времена. Оставшийся в революционной России Блок думал о «Возмездии». Мировой водоворот засасывает в воронку почти всего человека – от личности не остается следа. Но семя брошено, и растет новое, более упорное поколение. Таким образом, род, испытавший на себе возмездие истории, начинает сам тво-

⁵⁰ Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. (Опыт персоналистической философии). – Париж, 1939. – С. 109.

⁵¹ Там же. – С. 11.

ритель возмездие. Вся эта концепция, признается Блок, возникла под давлением растущей ненависти к различным теориям прогресса. И чем больше поэт сторонился надуманных идей, тем больше приближался к человеку: «Сотри случайные черты – // И ты увидишь: мир прекрасен». (Поэма «Возмездие» была написана Блоком в 1919-м, а опубликована в 1922 году.)

Японцы и русские

Почему в книге о Японии я то и дело обращаюсь к России? Не только потому, что несу ее в себе – ее силу и слабость, а потому, что нахожу между нашими народами нечто общее. Мне уже приходилось писать об этом – в статье «Японцы и русские (попытка психоанализа)»⁵². Действительно, что-то глубинное роднит нас: некая женственность, мечтательность, скорее доверие интуиции, чем рацио. Открытость другому, но по-разному: японцы, знакомясь с другими, не забывают себя, свою японскую душу – *Ямато Дамасий*, веря в Неизменное в Изменчивом (об этом пойдет речь ниже). Русские, напротив, ни в чем не знают меры, готовы отказаться от себя, забывают свои корни, увидев другое. Не отсюда ли при духовном родстве – разительный контраст в образе жизни? Не по причине ли забвения, неумения русских оглядываться назад, в отличие от японцев, которые в этом преуспели?

Русским есть чему поучиться у японцев – например, памяти сердца, дисциплине ума. И есть на что положиться. Не один Памфил Данилович Юркевич (1826–1874), учитель Владимира Соловьева, считал сердце глубочайшей духовно-нравственной основой человека: «не древо познания есть

⁵² Григорьева Т. П. Японцы и русские (попытка психоанализа) // Духовные истоки Японии. – М., 1995. – С. 315–364.

древо жизни»; целостная душа рождает знание: ум есть вершина, а не корень духовной жизни человека⁵³. О том же писал Евгений Трубецкой – о святом просвещении России, ее Путь – Путь духовидцев. В течение веков в мире царствовал ад – в форме роковой необходимости смерти и убийства, пока не явились духовидцы, познавшие собор всей твари как грядущий мир вселенной, «объемлющий ангелов и человек и всякое дыхание земное, – такова основная храмовая идея нашего древнего религиозного искусства»⁵⁴. И возвращается к этой мысли в очерке «Россия в ее иконе» (1917). Подвигом св. Сергия Радонежского Россия сподобилась той высоты святого просвещения, которого не было в других странах, раньше принявших христианство. Страна, где были явлены такие светильники, уже не нуждается в иноземных учителях веры.

Свои мысли святые России выражали не столько в слове, сколько в красках. Писали сердцем. Не оттого ли русская иконопись, достигшая расцвета в XV веке, согрета чуждой грекам теплотою чувств? Евгений Трубецкой переживает утрату духовной высоты в современной ему церковной архитектуре: «В этом ужасающем сходстве новейших церковных глав с предметами домашней утвари отражается то беспросветное духовное мещанство, которое надвинулось на со-

⁵³ Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека // Труды Киевской Духовной Академии. – Кн. 1. – Отд. 2. – Киев, 1860.

⁵⁴ Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. – С. 20.

временный мир. Все в нем говорит только о здешнем, все выражает необычайно плоскостное и плоское мироощущение»⁵⁵. Потому и называют такое сознание плоскостным и несчастным.

Ощущение внутренней красоты в русской иконе пленяет японцев, для которых Красота есть Истина. Красота – вне слов, потому и спасает; вульгарность же, величайший из пороков, разрушает душу. Потому и находят японцы на взлете русской культуры что-то созвучное, близкое себе, что-то, в чем сами нуждаются. Может быть – обостренное чувство жалости, сострадания (которое, кстати, мало согласуется с дисциплиной ума)? Потаенная вера в Красоту, спасающую мир, в русских, по понятным причинам, притупилась, но исчезнуть совсем не может, ибо она – в их крови (если, конечно, не обескровят народ). Потому, думая о японцах, я вспоминаю русских, и наоборот. Это происходит со мной помимо моей воли, подсознательно, а потому – не случайно.

Однако вернемся к анализу современного ума, обескураженного потребительской цивилизацией. Лучшие умы Запада взбунтовались против «тирании целого», имея в виду «тиранию части» – вторичную природу, техногенную цивилизацию. *«Сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой.* Кто так думает, ощущает и самого себя как ничто. Его сознание конца есть одновременно сознание ничтожности его собственной сущности. Отде-

⁵⁵ Трубецкой Е.Н. Два мира в древнерусской иконе. – М., 1916. – С. 106.

лившееся сознание времени перевернулось»⁵⁶. В этих словах Жана-Поля Сартра все сказано – в частности и то, какой страх до сих пор вызывает Ничто, основа основ восточного ума, – непроявленная полнота сущего. В этом причина тотального противостояния, в том числе культуры и цивилизации, поглощения одного другим.

Вспомним, что писал Карл Ясперс о превращении общества в «одну большую машину» с человеком в роли сырья. Это – расплата за антропоцентризм, уходящий в далекие времена греческого видения:

И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира.
Через меня открыто, что будет,
Было и есть, через меня
Согласуются песни и струны.

Овидий. «Метаморфозы»

Нет, казалось бы, в приведенных стихах Овидия ничего противоестественного, никакой неправды, кроме того, что несовершенный человек вознесен до «богоравного» (Сапфо). Как и в «Антигоне» Софокла: «В мире много сил великих, // Но сильнее человека нету никого». Это и устрасило св. Августина: «Душа в своих грехах, в гордой, извращенной

⁵⁶ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто (1966). Цит. по: Человек и его ценности. – М., 1988. – С. 67.

и, так сказать, рабской свободе стремится уподобиться Богу. Так и прародителей наших оказалось возможным склонить на грех только словами: „будьте, как боги“» (Св. Августин. О Троице, 11, 5–8). Бог привел все к единому порядку; этот порядок делает из мира единое целое. Эту целостность человек разрывает, предпочтя ей из личной гордости и личных симпатий одну часть, «мнимое единство». Он таким образом ставит часть выше целого, достоинством, принадлежащим целому, он облакает часть («Исповедь» Блаженного Августина, 3, 8).

И до сих пор «мнимое единство» довлеет над умами, сводя все к множеству, количеству, перекрывая путь к Свободе. Но вне свободы ничто состояться не может, как вне Целого ничто не может найти себя. Отсюда и возмущение «тиранией целого», которое целым не является. Оттого ни одна великая идея не могла осуществиться при господствующем типе сознания – ни идея свободы, ни идея равенства, ибо не могут быть свободными части. Одна часть зависит от другой, вышестоящей, и так до бесконечности. Все дробится, если торжествует психология части: претендуя на целостность, она становится агрессивной. Проницательный ум Бердяева был потрясен этим процессом: «Исчезает человек как целостное существо внутренне центрированное. Дробные и частичные элементы человека предъявляют права не только на автономию, но и на верховное знание жизни»⁵⁷.

⁵⁷ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М., 1994. – С. 327.

В наше время мало кто из мыслящих не говорит о катастрофе, уготованной техногенной цивилизацией, которую и Арнолд Тойнби, и японские публицисты называли «дьявольской». Первый президент Римского клуба Аурелио Печчеи начал священный поход за возвращение человеку его качеств: в истории еще не было периода, когда люди смотрели бы в будущее с такой тревогой. Тревога возрастает в докладах Денниса Медоуза «Пределы роста», «За пределами роста». В них дается неутешительный прогноз: в XXI веке нарушится энергетический баланс, усилится белковый дефицит, загрязнение атмосферы, что может вызвать планетарную катастрофу.

На конференции «Культура в эпоху цивилизационного слома» говорилось о разрушении оснований общества цивилизации как особой исторической системы. Но слом, по мнению Э. В. Сайко, не означает гибели системы: в ней формируются принципиально новые структуры. На этой конференции звучали мысли о «конце истории», о том, что мир переживает ситуацию тотального упадка, в духе Содома и Гоморры – символа моральной развращенности. «Но этот же период стал „осевым“, поворотным пунктом, обозначившим Великое разделение между Пороком и Добродетелью» – не теряет надежды Б. С. Брасов⁵⁸. А. А. Пелипенко верит в трансформацию Бога в Культуру. Потому и пишет слово Культу-

⁵⁸ Брасов Б. С. Культура в ситуации цивилизационного слома // Культура в эпоху цивилизационного слома: Материалы конф. / РАН. – М., 2001. – С. 91.

ра с заглавной буквы, предлагая *самообуздание интеллекта*: «Это означает, разумеется, не выстраивание искусственных рубежей познания, а отказ от *рефлексивно-аналитическо-отчуждающих процедур познающего сознания за пределы самой природы этого сознания*»⁵⁹.

Редко кто не упрекает техногенную цивилизацию: техника властвует, подчинила человека ему на погибель, как и предсказывал в IV веке до н. э. даос Чжуан-цзы. «Тот, кто применяет машину, начинает действовать механически. Кто действует механически, у того сердце становится механическим. У кого сердце становится механическим, утрачивает целостность простоты. Кто утратил целостность простоты, лишается разума. Кто лишается разума, того не поддерживает Путь» (Чжуан-цзы, глава 12 «Небо и Земля»). Кого не поддерживает Путь, тот не нужен никому, в том числе и самому себе; теряя опору, он выпадает из Бытия. На языке Бердяева: «Человек, не пожелавший быть образом и подобием Божьим, делается образом и подобием машины»⁶⁰. Так что дело не в машине, а в поработанном сознании, которое найдет чему поклониться, не имея опоры в себе. Техногенная цивилизация держится на механической власти, уподобляя человека «животному, производящему орудия» (по выражению Бенджамина Франклина). Из цели человек превратился в средство обогащения, в «призрак машины».

⁵⁹ Там же. – С. 181.

⁶⁰ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – С. 324.

Значит, техника тут ни при чем – все дело в человеке. Не совершенен сам человек, если он позволяет манипулировать собой. К технике же отношение разное: Ясперс называет ее демонической силой, поработившей человека, для Хайдеггера техника – единственное, что обеспечивает место ново-европейскому человеку в бытии, а в слиянии техники с искусством он видит залог величия человека. Так или иначе, технику называют судьбой современного человека. Все дело в Пути Соответствия, чтобы техника служила человеку, а не наоборот.

Не удивительно, что писатели и философы заговорили о «больном бытии», о «несчастном сознании» (Н. Бердяев, Ж.-П. Сартр), об «ужасе истории» (М. Элиаде). И самое страшное – о привыкании к этому ужасу и даже уповании на него, судя по садо-мазохистскому характеру массовой квазикультуры. Ученые бьют в набат: если люди не научатся думать по-новому, их ждет неминуемая гибель. Более полувека назад послан сигнал бедствия – «Манифест Рассела-Эйнштейна». Но с тех пор мало что изменилось, а если и изменилось, то не в лучшую сторону (судя, в частности, по тревожным докладам Римского клуба). Уже многие говорят о необходимости нового мышления, но как бы со старых позиций. Мышление не может измениться, если не изменится человек. И все это уже было сказано мудрецами – где-то и когда-то; нам остается «припомнить». Разнятся лишь слова, а цель одна – спасение человека, спасение от самого себя.





Илл. 25



Илл. 26



Илл. 27



Илл. 28

Илл. 24–28. На улицах современного Токио

Может быть, не случайно проницательные умы обращаются к восточным учениям, возлагая надежды на Путь – Дао? Суть Дао – в подвижном Равновесии: «Одно Инь, одно Ян и есть Путь». В нашей ситуации это означает, что нельзя часть или половину вселенского Знания принимать за Целое. Половина, занявшая место Целого, начинает саморазрушаться как односторонность. Всякая замкнутая система подвержена

энтропии, отсюда стремление вырваться из замкнутого круга – если не осмысление, то инстинктивное доверие к синергетике, понятия которой постепенно входят в сознание. В поисках логики Целого научная мысль обращается к Востоку. И это не означает, что какая-то из сторон пошла ошибочным путем. Это означает, что настало время для взаимодействия двух половин единого Знания.

Восток не менее заинтересован в западной науке, чем западная – в восточной. Дао не знает подобий: нет Инь без Ян и Ян без Инь, что осознали великие физики, как Нильс Бор, проникший в тайну Великого Предела. В системе классической физики наблюдатель отделен от наблюдаемого, субъект от объекта, что, раздваивая сущее, искажало истинную картину мира. «В поисках параллели к вытекающему из атомной теории уроку. мы должны обратиться к совсем другим областям науки, например, к психологии или даже к особому рода философским проблемам; это те проблемы, с которыми уже столкнулись такие мыслители, как Будда и Лао-цзы, когда пытались согласовать наше положение как зрителей и действующих лиц в великой драме существования»⁶¹. Обнаружив, что корпускула и волна – одновременные свойства света, Нильс Бор ввел понятие дополнительности, которое, по сути, универсально, как универсальна дополнительность Инь-Ян.

⁶¹ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. – М., 1961. – С. 35.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.